

Димитриева О. А. Традиции русского застолья: глаголы, обозначающие ритуализованные вакхические действия / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 54—68. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-54-68.

Dimitrieva, O. A. (2019). Traditions of Russian Tableful: Verbs, Denoting Ritualized Bacchic Actions. *Nauchnyi dialog*, 3: 54-68. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-54-68. (In Russ.).

УДК 811.161.1*37:392.86

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-54-68

Традиции русского застолья: глаголы, обозначающие ритуализованные вакхические действия

© Димитриева Ольга Альбертовна (2019), orcid.org/0000-0003-2734-640X, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского института этнопедагогике имени академика РАО Г. Н. Волкова, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Россия), olgaal_79@mail.ru.

Статья посвящена исследованию глаголов, обозначающих ритуализованные вакхические действия. Автор продолжает серию работ, посвященных изучению вакхического действия в широком смысле во взаимосвязи с национальной картиной мира и менталитетом. Рассматриваются глаголы *обмыть* и *спрыснуть* в значении 'отметить какое-либо событие', их сочетаемость, а также анализируется частотность форм. Так, самой частотной формой обозначенных глаголов является инфинитив в сочетании с модально-характеризующей связкой *надо*. Прескриптивность действия, его ожидаемость со стороны сообщества представляется в вводных конструкциях как *водится, по русской традиции, согласно вековым традициям* и т. п. По мнению автора статьи, употребление отглагольных существительных *обмыв, спрыск* показывает, что действия-ритуалы осмысляются как «сущности» вне времени и пространства. Уделяется внимание обрядовому церковному глаголу *причаститься*. Отмечается переход глагола из сакральной сферы в профаническую, что связано со сменой аксиологического компонента. Профаническая интерпретация действия, обозначаемая глаголом *причаститься*, становится возможной при расширении его валентностных свойств (в сочетании с существительным в творительном падеже — *причаститься русской водочкой*). Материалом для исследования послужили примеры из современных художественных и публицистических текстов, извлеченные из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: вакхические действия; ритуал; обряд; культура питания; национальный характер; менталитет; русская языковая картина мира.

1. Вводные замечания

Понятия «вакхическая коммуникация», «вакхический дискурс», «вакхическая лингвокультура» референтны объектам и действиям, так или иначе касающимся культуры производства и потребления алкогольных напитков (см. работы [Реймер, 2010; Олянич, 2015]). Так, А. В. Олянич под «вакхической лингвокультурой» понимает «систему коммуникативных знаков», которые тематически организуют концептосферу «Питие», «совокупность коммуникативных жанров и ритуальных действий, фиксирующих этнокультурный опыт поведения языковых личностей и социальных институтов», связанных с производством и потреблением алкогольной продукции [Олянич, 2015, с. 155].

Важным для данного исследования представляется одна из составляющих вакхической коммуникации — множество ритуальных действий. Ритуал, как правило, рассматривается в ряду «миф», «обычай», «обряд», «традиция», «стереотип», «привычка», «этикет» (см., например, подробный обзор исследований [Рычкова, 2011; Леонтьева, 2014]). Одной из распространенных точек зрения на миф и ритуал является их семантическое единство «как теоретической и практической сторон одного и того же явления» [Маслова, 2001, с. 39], «делание» ритуала противопоставляется «говорению» мифа согласно оппозиции дело — слово [Топоров, 1988, с. 27—28]. Обряд, обычай, этикет рассматривают как частное видовое наименование общего родового — ритуального действия [Рычкова, 2011, с. 16]. Существует разделение форм поведения на «ритуальное» и «ритуализованное (ритуализированное)» в зависимости от отношения к сфере сакрального и профанического, первое из них несет символическое, сакральное значение, второе — «балансирует на грани с профаническим» [Топоров, 1988, с. 53] (ср. также определение этикета, которое предлагает Т. В. Цивьян: «правила ритуализованного поведения в обществе» [цит. по: Байбурин и др., 1990, с. 4]).

Традиции и обычаи застолья часто имеют ритуализованный характер: сакральной семантикой обладает стол, уподобляющийся престолу. Т. В. Кузьмина отмечает значимость таких сакральных сем в семантике стола, как ‘власть’, ‘жизнь’, ‘путь’, ‘богатство’, ‘смерть’ [Кузьмина, 2011, с. 110—115]. А. К. Байбурин, А. Л. Топорков приводят обычаи, связанные с застольем: пить за здоровье, вкруговую, одним глотком, до дна, наливая до полна [Байбурин и др., 1990]. Есть и другие традиции, связанные с выпивкой: пить первую рюмку не закусывая [Левонтина и др., 2002, с. 581], пить третью за любовь, пить не чокаясь, о «ритуальном раскладе процедуры пития» пишет В. В. Химик [Химик, 2000, с. 175].

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются ритуализованные глаголы *обмыть*, *спрыснуть*, *причаститься*, *окропить* с семантикой 'выпить'. Материалом для исследования послужили фрагменты из художественных и публицистических произведений XX—XXI веков, извлеченные из Национального корпуса русского языка.

Глаголы *обмыть*, *спрыснуть*, *причаститься*, *окропить* первоначально связываются с совершением определенных ритуалов, с обрядами, основным элементом которого является вода или вино.

Вода как стихия в мифологии соединяет в себе «мотивы рождения и плодородия с мотивами смерти» [Аверинцев, 1991, с. 240], поэтому ритуальное омовение, с одной стороны, — символ «второго рождения» (например, при крещении в христианстве), с другой — при омовении покойника является не только символическим актом очищения водой от земных черт, но и, как отмечает Т. А. Рычкова, это своего рода проведение полосы, границы между мирами [Рычкова, 2011, с. 88]. Вода в ритуалах и обрядах славян также связывается со здоровьем (ср. *здорова как вода* [Кузнецова, 2018, с. 65]). Фольклорное разделение воды на живую и мертвую предполагает целительные свойства и той, и другой. Ю. С. Степанов со ссылкой на А. Н. Афанасьева пишет: «Мертвая вода — первая весенняя вода талого льда и снега, она сгоняет лед и снег, но еще не дает зелени-жизни; живая вода — вода первых весенних дождей, она пробуждает землю к жизни» [Степанов, 2004, с. 299].

Вино является символом плодородия и радостей жизни и одновременно знаком, который уподобляется крови человека [Иванов, 1991, с. 236]. В. Н. Топоров пишет о мифопоэтическом мировоззрении космологической эпохи, в которой отождествляются макрокосм и микрокосм, мир и человек, космическое (природное) и человеческое (например, плоть — земля, кровь — вода и т. д.) [Топоров, 1988, с. 12].

Водка, как пишет Ю. С. Степанов, входит в русскую культуру в тесной связке с целью, назначением — «потребление ради алкогольного опьянения» [Степанов, 2004, с. 318]. Н. А. Устинова, приводя бинарные оппозиции традиционной культуры «свет — тьма», «этот мир — иной мир», связывает светлое время суток, повседневность с пищей, темное время и выход в иномирие — с алкоголем (подробнее см. [Устинова, 2011]).

Итак, вода и вино ассоциируются с соком жизни, причем вода есть внешнее проявление жизни, здоровье, вино — внутреннее, душевное состояние. Вода является некоторой объективной чертой, гранью разделения мира на живой и мертвый, водка — средство временного субъективного перехода, добровольного перемещения в «иномирие».

2. Бытовой ритуал:

семантико-стилистическая характеристика глагола *обмыть*

А. Ф. Журавлев рассматривает выражение *обмыть* в связи с наименованиями «ритуальной выпивки» (*магарыч, барыш, литки, даvasы* и т. п.) по случаю купли-продажи скота или вообще по случаю торговой сделки в говорах восточнославянских языков. Интересным представляется объяснение фразеологизма *обмывать копыта (копытца)*, который может иметь два толкования: 1) в прямом значении — ритуальное действие, описывающее переход новокупленной коровы через воду как «первичное по отношению к ‘распивать магарыч’», а следовательно, современное *обмыть покупку* восходит к скотоводческой магии; 2) «поствербальное» возникновение ритуала — в результате буквального понимания метафорического значения (таким образом мог появиться утраченный ритуал) [Журавлев, 1984, с. 113].

Т. А. Рычкова относит выражение *обмыть покупку / премию* (наряду с *пить до дна, присесть на дорожку, тоекратно целоваться* и т. п.) к устойчивым нефразеологизированным культурно-коннотированным сочетаниям, называющим ритуальные действия, отличительными особенностями которых являются отражение в них национальной культуры, истории и традиций и их относительная лексическая устойчивость [Рычкова, 2012, с. 202—203].

В «Толковом словаре русского языка» глагол *обмыть* в интересующем нас значении дается с пометой «просторечное» и трактуется как ‘отметить выпивкой какое-либо событие’ [СлРЯ, т. 2, с. 548]. В примерах можно встретить двоякое его «ритуальное» употребление: 1) буквальное совершение ритуала, выполнение сценария, то есть погружение чаще всего звезд с погонов или медалей в водку и выпивание ее до дна с целью извлечения теперь уже обмытых наград: — *Товарищ подполковник, — обратился он к Видину. — Лейтенант Звягинцев представляется в связи с присвоением звания старший лейтенант! Он залпом выпил, выплюнул в руку звезды, стал по стойке смирно. — Товарищ подполковник, старший лейтенант Звягинцев звание представил и обмыл! — Молодец, Сергей! — одобрительно кивнул начальник. — Из тебя толк получится* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но..., 2011) [НКРЯ]; 2) празднование значимого как с точки зрения бенефициара, так и окружающего его социума события: *Мы обмыли новую позму, то есть выпили водки и закусили копчёной рыбой* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец, 1975—1977) [НКРЯ].

Прямой объект, используемый при глаголе *обмыть*, как правило, характеризуется следующими параметрами: ‘новое’, причем новизна экс-

плицируется с помощью сочетания с качественным прилагательным — *новая поэма, новый мост, новое звание, новое рабочее место* — или словообразовательной структуры слова — *обновка, новоселье*, а также имплицитных признаков, заложенных в понятии «приобретение» (часто просто указывается наименование новой вещи) — *машина, шуба, покупка* и т. п.; ‘первое’ — *первый рабочий день, первая любовь*; ‘начало’ — ‘конец’ — *встреча, знакомство, приезд, прибытие, начало поездки / окончание работы*. В некоторых случаях объект носит обобщенный характер со значением ‘происшествие’, ‘событие’, ‘факт’. Это могут быть дериваты слова *дело (дельце, сделка)* (около 5,5 % от общего числа примеров с объектами), причем они сочетаются с указательными местоимениями (*такой, это*): *Ну, традицию знаешь? — Какую? — осторожно поинтересовалась я. — Так тот, кто выиграл, ведет остальных в ресторан, — засмеялась Нина, жена Юры, — обмыть надо такое дело* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки, 2004) [НКРЯ]. Сфера объекта варьируется от предметов быта, наград, приятных и значимых событий до вовлечения в круг личного интереса нематериальных вещей с ярко выраженной положительной семантикой, например, удача, победа: *А пока есть предложение. Подруги насто-роженно уставились на Таню. Какая еще идея родилась в ее беспокойном уме? — Победу надо обмыть. Простые слова заставили подруг перевести дух и радостно переглянуться* (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри, 2002) [НКРЯ].

Коммуникативное поведение, как отмечает Е. И. Зиновьева, регулируется «нормами и традициями общения данного социума» и отражает национальный менталитет [Зиновьева, 2016, с. 105]. Нормативность в обществе фиксируется в поле долженствования. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, описывая концепт долга, отмечают два типа онтологического долженствования — деонтическое, связанное с общепринятостью в обществе, «с нормативным и ненормативным поведением», алетическое — с природными / общественными объективными закономерностями, т. н. «объективными потенциями реального мира» [Булыгина и др., 1991, с. 15]. Ритуализованность действия *обмыть* «деонтически» маркирована, его прескриптивность проявляется в модальности высказываний. За действием, задаваемым глаголом *обмыть*, стоят определенные ожидания со стороны общества (социума) в отношении носителя «выгоды», необходимый или предполагаемый сценарий поведения, что репрезентируется в следующих вводных конструкциях: *как водится, как говорится, по русской традиции, согласно вековым традициям. — Да, в отсутствие Марии я ощущаю себя здесь подпольщиком-народовольцем, — сообщил Крячко, загадочно подми-*

*живая. Вслед за этим он расстегнул большой, выдавший виды портфель и поставил на кухонный стол бутылку «Смирновской». Гуров с любопытством наблюдал за ним, стоя у окна со скрещенными на груди руками. — **Надо же обмыть отпуск**, — не слишком уверенно сказал Крячко, сбитый с толку выражением лица друга. — **Согласно вековым традициям** (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска, 2003) [НКРЯ].*

Основной, самой частотной формой употребления является инфинитив — 54,5 % от общего числа взятых примеров (около 80), причем около 40 % — это сочетаемость со связкой *надо / нужно* (деонтическое долженствование). Интересным представляется в этом случае проявление роли субъекта высказывания. Приведем три примера:

1) *Ну, прихожу на Белорусскую, быстро добрался, кого надо встретил, мы с ним дельце обделали, думаю, **надо обмыть**. Он мне говорит, ты мол осторожнее, здесь пьяные часто пропадают. Ну, я ему — да ладно, брось, такое дело нельзя оставить, в общем, банку мы с ним на двоих раздавили* (Д. Глуховский. Метро 2033, 2005) [НКРЯ];

2) *Когда Кьянти с Сергеем вышли за ворота гаража, в котором сторожем остался Васюк, бывший подполковник тряхнул высоколобой головой, черноглазыми огнями проехался по Кострецову и объявил: — **Надо обмыть** твою первую любовь с «Адель» лучшим вином для истинных рыцарей — кьянти, а также главным напитком адских водителей — водкой* (В. Черкасов. Черный ящик, 2000) [НКРЯ];

3) *Когда беседа подошла к финальному завершению, розовощекие официанты в косоворотках стали накрывать на стол. Стол украсили блюда из осетрины и форели. На хрустальных вазах была выложена черная и красная икра, а на середине стола, в окружении вспотевших бутылок водки «Смирнофф», мирно возлежал молочный поросенок с хрустящей корочкой. **По русской традиции соглашение о сотрудничестве нужно было обмыть**. Несколько столов сдвинули вместе, а вся русская братва и приглашенные представители «Коза ностры» подняли рюмки с русским национальным горячительным напитком* (А. Ростовский. Русский синдикат, 2000) [НКРЯ].

В первом примере субъект действия и получатель выгоды (бенефициар) является инициатором совершения ритуала, во втором примере — сторонний человек оказывается носителем традиции, в третьем — совершение действия осмысливается как общепринятая норма, узус. В пределах одного словосочетания мы имеем дело, по классификации С. Н. Глазковой, с самодирективом, директивом и конвенциональным значением конструкции (классификацию синтаксемы «надо + инфинитив» подробнее см. [Глазкова, 2012, с. 60]).

Примерно одинаковое количество в процентном соотношении занимают формы настоящего-будущего (21 %) и прошедшего времени (20,5 %), причем в первом случае 18 % составляют примеры употребления глагола в первом лице во множественном числе (как правило, приглашение к совместному осуществлению действия), во втором — 15,5 % — это формы множественного числа, что также подтверждает коллективный характер питания.

Еще одной особенностью ритуального глагола *обмыть* является употребление глагола в суммарном значении совершенного вида, то есть данное действие может быть представлено как сумма единичных конкретных фактов: *Или Народная партия Райкова со своими телероликами о благе народа. Да они свой съезд ещё не успели провести, как три раза обмыли результаты* (Г. А. Зюганов: Только коммунисты поправят положение (2003) // «Советская Россия», 2003.08.23) [НКРЯ]. На кратность может быть указано с помощью выражения *еще раз* и с помощью прилагательного *очередной*.

Нормативность поведения, задаваемая глаголом *обмыть*, подтверждается грамматическими и лексическими средствами.

3. Семантика и прагматика глагола *спрыснуть*

При характеристике ситуации употребления спиртных напитков наблюдается тенденция параметризации разных аспектов осуществления действия, что проявляется в использовании эмоционально окрашенных слов, привлечении других сфер деятельности человека как источника метафоры [Димитриева, 2015]. Одна из сторон характеристики питания предполагает маркирование эмоциональной составляющей процесса, незначительности затрат и кратковременности ситуации. Это выражается в сочетании глаголов питания с диминутивами, имеющими объектное значение, в развитии разнообразных синонимических связей: к примеру, прерывисто-смягчительный глагол *попивать пивко, водочку, винцо* и т. п.; синонимический ряд о наполнении емкости спиртным: *налить — набулькать — накапать — нацедить* [Димитриева, 2016]. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в появлении метафорического значения ‘отметить’ у глагола *спрыснуть*, который обозначает проявленное в меньшей степени действие, обозначаемое глаголом *обмыть*.

В Толковом словаре русского языка глагол *спрыснуть* дается с пометами «переносное», «шутливое» и имеет следующее значение: ‘ознаменовать выпивкой, угощением приобретение чего-либо или удачное завершение какого-либо дела’ [СлРЯ, т. 4, с. 233]. Ироническое, шутливое употребление слова характерно для осмысления «основных субкультурных таксонов

пьянства» [Химик, 2000, с. 191]. Ритуальный характер глагола *спрыснуть* не вызывает сомнений: в фольклоре, в волшебных сказках, он употребляется в значении ‘слегка смочить’ и связан с определенной последовательностью совершения действий с целью оживления человека с помощью живой и мертвой воды: *Тогда дядька Игнатия-царевича опять стал царю Сунбулу наговаривать, будто бы Игнатий-царевич похвалялся съездить за тридцать земель в тридцатое государство и достать живой воды и мертвой; и теми-де водами ежели **спрыснуть** больного человека, то он будет здоров* (Сказка о Игнатье-царевиче и о Суворе-невидимке мужичке, 1786) [НКРЯ].

Если при употреблении глагола *обмыть* возможно расставление акцентов либо на денотативной сфере (совершение ритуала непосредственного обмывания награды), либо чаще всего на сигнификативной — осмысление ситуации / события как причины для празднования, для глагола *спрыснуть* возможен один вариант прочтения — сигнификативный (способ осуществления действия — ‘обдать брызгами’ — не является значимым и уходит в фон). Позиция объекта при глаголе *спрыснуть* заполняется языковыми единицами, схожими по семантике с употребляемой при глаголе *обмыть* лексикой, называющей объекты: основные качественные характеристики объектов — это прежде всего ‘новый’, ‘первый’, ‘начало события / конец’. Интересен пример, в котором субъект помещается в объектную зону и указываются изменения, которые необходимо отметить: *Годика три дома поучится. Полно вопить... Достань-ка нам семилетнего травничку. Надо нового солдата **спрыснуть**. Да и поснедать пора — час адмиральский! Авдотья Федосеевна, отирая слезы, ушла, чтобы исполнить приказание мужа* (С. Т. Григорьев. Александр Суворов, 1939) [НКРЯ].

Частотной формой употребления глагола является инфинитив (64 % от общего количества примеров). Глагол *спрыснуть* так же, как и глагол *обмыть*, сочетается с модально-характеризующей связкой с семантикой необходимости, но в отличие от глагола *обмыть* связка *надо* не является самой частотной: данный глагол сочетается также с *надлежало*, *необходимо*, *нужно*, *следует*, *придется* и т. п. Общепринятость традиции и связь с устоявшимися привычками в социуме прослеживается через сочетаемость с выражениями *по правилам*, *так не годится* и др.: *Провозившись целый день с установкой мачт (хозяин дома активно помогал мне в этом), настроив приемник, я собрал плоскогубцы, остатки проволоки, оставшиеся ролики и все, что у меня было, и отправился было домой. Но хозяин дома, Николай Федорович Ломагин, остановил меня. — Ты что же, та-шкать (то есть так сказать), работал, та-шкать, работал, а теперь уходить.*

Так не годится, та-шкать, надо **спрыснуть**, или, та-шкать, **обмыть**. С этим словом он достал из погреба ледяную (сразу запотели стенки) водку, а также соленых грибов и еще какой-то там снеди (В. А. Солоухин. Капля росы, 1959) [НКРЯ]; Чтобы замаять эту неловкость, Шельмович деланно развязно обратился к Кате: — Я бы предложил вам выпить рюмочку чего-нибудь, если вы только не спешите. Погода на дворе холодная, да и вообще по правилам следует каждую сделку **спрыснуть** (В. Курицын. Томские трущобы, 1906) [НКРЯ]. Директивность, прескриптивность прослеживается в высказываниях с рассматриваемым глаголом (хотя форма его повелительного наклонения практически не используется): — *Надо, милый генерал, нам **спрыснуть** ваше новое назначение... И погода такая прекрасная, и у вас тут, не как в Париже, воздух какой очаровательный...* (П. Н. Краснов. Ложь, 1938—1939) [НКРЯ].

Форма настоящего-будущего времени (17 %) представлена формой первого лица множественного числа со значением приглашения к совместному осуществлению действия. Нечастотной формой являются формы депричастия и причастия.

Опредмечивание действия-ритуала находит свое выражение в появлении отглагольных существительных *обмыв* и *спрыск* (*спрыски*) (последнее фиксируется в словаре во множественном числе с пометой «просторечное»: «выпивка, угощение по случаю приобретения чего-л. или удачного завершения какого-л. дела» [СлРЯ, т. 4, с. 233]): *А сам Иван Степанович приходил множество раз, проверял, советовал, лазал на коленках по полу, помогая настилать линолеум, и в довершение отговорил меня устраивать «**обмыв**» ремонта* (К. Ваншенкин. Писательский клуб, 1998) [НКРЯ]; *Вскоре мы обмывали и его прекрасное завершение. Я настаивал на первом парадном выходе в Филармонию, Карташов — в ресторан «Восточный». Знающие местную топографию легко догадаются, что компромисс напрашивался сам собою: сперва Филармония, в заключение — «Восточный». На полную экипировку плюс **спрыск** и **обмыв** ушел весь гонорар до копейки* (А. Найман. Славный конец бесславных поколений, 1994) [НКРЯ].

Появление существительных (*обмыв*, *спрыск*) со значением отвлеченного действия представляется результатом осмысления действий в роли отдельных сущностей вне координат времени и пространства.

4. Десакрализация ритуальных действий: глагол *причаститься*

Как отмечает В. В. Колесов, «...еще недавно метафора признавалась основным гносеологическим средством познания нового, <...> сегодня в этой роли выступает новый троп — ирония» [Колесов, 2012, с. 257].

Ирония, комический модус часто являются причиной изменения значения, а также десакрализации слова. Так, глагол *чревоугодничать*, «обслуживающий» религиозный мир, расширяет свою область и осмысливается в рамках бытовой сферы, происходит смена оценки с этической на гедонистическую (подробнее см. [Димитриева, 2017]). Нечто схожее происходит с глаголом, обозначающим церковный обряд, — *причаститься*.

В толковом словаре глагол *причаститься* определяется так: (церк.) ‘принять причастие, подвергнуться обряду причастия’ [СлРЯ, т. 3, с. 457]. В текстах данный глагол, обозначающий обряд, дается в ряду с последовательностью совершения действий — *идти к литургии, пособороваться, покаяться, исповедаться*: *Мы общались с этим мальчиком уже несколько месяцев, вместе молились перед образом Всецарицы в нашем храме, он причащался регулярно, а перед операцией снова пособоровался, исповедовался и причастился* (М. В. Строганова. Главное чудо — человек, 2015) [НКРЯ].

Профаническая интерпретация действия появляется при употреблении его в сочетании с существительным в творительном падеже со значением алкогольного напитка: *Причастившись русской водочкой, она пела песни у костра, ела булки и танцевала вместе с фольклорной группой* (Н. Давыдова // Комсомольская правда, 2005.04.01) [НКРЯ]; *Чтобы поднять боевой дух дивизии, Альфонсу Ребане и вручили дубовые листья. И тут он отказаться не мог. Этого требовали интересы дела. Полагаю, я ответил на ваш вопрос, — заключил режиссер Кытс и причастился «блэк лэйблом»* (В. Левашов. Заговор патриота, 2000) [НКРЯ]. В объектную сферу может войти наименование блюда: — *Зато потом все мы, включая и молодую супругу, дружно пойдем в трапезную залу причаститься горячим бульоном из тринадцатого ландграфа. Итак, начнем...* (А. Белянин. Свирепый ландграф, 1999) [НКРЯ].

Как показывают примеры, происходит смена оценки с этической сферы на эмоциональную, также дополнительно эксплицируется количественная характеристика (это, как правило, маркирование небольшого количества): *Успеть надо, пока не опомнился народ, не прознал о лесном урожае. Вот такова же Лина и на усадьбе своей, где всякую травку выщипнет, и сорок соток у нее в образцовом виде, грядка к грядке; и в колхозе успевает наломаться, несмотря на пенсионный возраст. С четырех утра как маятник, не зная выходных; и лишь перед ужином, если Гришианя в трезвом уме, поставляет ему винца и сама причастится, чтобы унять ломоту в костях* (В. Личутин. Любостай, 1987) [НКРЯ].

Интересен в отношении переносного употребления глагол *кропить* / *окропить*. В одном из значений он также содержит помету «церковное»: ‘при

совершении некоторых христианских обрядов — обрызгивать освященной водой' [СлРЯ, т. 2, с. 134]. Рассмотрим следующий пример: *Надя растирала в двух ложках снотворное, сыпала в вино старухе, та любила окропить бессонницу хмелем, спиться ей уже не удастся. А если все равно не спалось, звала Надю, заставляла читать, причем по-русски, чтобы не возбуждались мысли* [Александр Иличевский. Облако // «Октябрь», 2008] [НКРЯ]. Здесь значение 'выпить' схоже с описанным выше, но не является частотным.

Смена сферы употребления глагола, как правило, влечет за собой аксиологические изменения: высокое (духовное) сменяется материальным (бытовым), серьезное — ироническим, исчезает символическое наполнение ритуала, происходит десакрализация понятия.

5. Выводы

Рассматриваемые глаголы представляют собой две стороны развития ритуализованного действия. Действия, обозначаемые глаголами *обмыть* и *спрыснуть*, закрепляются в русской языковой картине мира как непреложные, социально значимые, являются необходимым совершением обряда. Действия *причаститься* и в некотором смысле *окропить*, перешедшие в быт из церковного обряда, теряют символичность и священность.

Данное положение находит реализацию в языковых формах. Так, следование ритуалам выражается формами инфинитива в сочетании с модально-характеризующей связкой долженствования (т. н. директивность) или настоящего-будущего времени с семантикой совместной реализации действия или приглашения.

Десакрализация действия связывается с изменением модуса, а значит, и формы (инфинитив сменяется спрягаемой формой).

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
2. СлРЯ — *Словарь* русского языка : в 4 томах / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.

Литература

1. *Аверинцев С. С. Вода* / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира. Энциклопедия : в двух томах. — 2-е изд. — Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т. 1. А—К. — С. 240.
2. *Байбурин А. К. У истоков этикета* / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. — Ленинград : Наука, 1990. — 165 с.

3. Булыгина Т. В. Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Культурные концепты. — Москва : Наука, 1991. — С. 14—21.
4. Глазкова С. Н. Прагматическая универсальность синтаксемы типа надо+инфинитив в русской коммуникации / С. Н. Глазкова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. — 2012. — Вып. 64. — № 6 (260). — С. 58—61.
5. Димитриева О. А. Метафоры глаголов питания / О. А. Димитриева // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). — 2015. — № 9 (162). — С. 15—18.
6. Димитриева О. А. Глаголы характеризованных способов действия с семантикой «есть» и «пить» в русской языковой картине мира : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / О. А. Димитриева. — Казань, 2016. — 22 с.
7. Димитриева О. А. *Чревоугодничать* в русской языковой картине мира / О. А. Димитриева // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : Международная конференция (VI Бодуэновские чтения) : труды и материалы : В 2 т. Т. 1. — Казань : Издательство Казанского университета, 2017. — С. 66—68.
8. Журавлев А. Ф. «Обмывание копыт» (из восточнославянской лексики и фразеологии, связанной с ритуалами купли-продажи скота) / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. — Москва : Наука, 1984. — С. 109—114.
9. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике : учебное пособие / Е. И. Зиновьева. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. — 182 с.
10. Иванов В. В. Вино / В. В. Иванов // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. — 2-е изд. — Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т. 1. А—К. — С. 236—237.
11. Колесов В. В. Оставить свой след / В. В. Колесов // Вестник Омского университета. — 2012. — № 3 (65). — С. 253—257.
12. Кузнецова И. В. Благопожелания обрядового фольклора как источник устойчивых сравнений / И. В. Кузнецова // Phrasologie und Folklore: Ihre linguokulturelle und lexicografische Beschreibung. = Фольклорная фразеология : проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания / отв. ред. Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. — Грайфсвальд, 2018. — С. 63—68.
13. Кузьмина Т. В. Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка (с привлечением единиц из болгарского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук / Т. В. Кузьмина. — Москва, 2011. — 181 с.
14. Левонтина И. Б. Лексика начала и конца трапезы в русском языке / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — Москва : Индрик, 2002. — С. 573—583.
15. Леонтьева Т. В. К истории изучения вербальных репрезентаций бытия и его составляющих в русском языке / Т. В. Леонтьева // Язык и культура. — 2014. — № 2 (26). — С. 57—68.

16. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 208 с.
17. *Олянич А. В.* Вакхический дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. — 2015. — Т. 12, № 2. — С. 155—157.
18. *Реймер Ю. В.* Вакхические номинации в русской и немецкой лингвокультурах / Ю. В. Реймер // Вестник ОГУ. — 2010. — № 11 (117). — С. 147—153.
19. *Рычкова Т. А.* Культурно-коннотированные словосочетания, называющие ритуальные действия / Т. А. Рычкова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. — 2012. — №2 (43). — С. 202—207.
20. *Рычкова Т. А.* Словосочетания, называющие ритуальные действия, в современном русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук / Т. А. Рычкова. — Мурманск, 2011. — 166 с.
21. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Москва : Академический Проект, 2004. — 992 с.
22. *Топоров В. Н.* О ритуале : введение в проблематику / В. Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — Москва : Наука, 1988. — С. 7—60.
23. *Устинова Н. А.* Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. А. Устинова. — Томск, 2011. — 12 с.
24. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2000. — 272 с.

Traditions of Russian Tableful: Verbs, Denoting Ritualized Bacchic Actions

© **Dimitrieva Olga Albertovna (2019)**, orcid.org/0000-0003-2734-640X, PhD in Philology, senior research scientist, Research Institute of Ethno-pedagogy named after academician of RAE G. N. Volkov, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev (Cheboksary, Russia), olgaal_79@mail.ru.

The article is devoted to the study of verbs denoting ritualized Bacchic actions. The author continues a series of works devoted to the study of Bacchic action in a broad sense in relation to the national picture of the world and mentality. Verbs *obmyt'* and *sprysnut'* meaning 'to celebrate any event', their compatibility are considered, and also frequency of forms is analyzed. Thus, the most frequent form of the designated verbs is the infinitive in combination with the modal-characterizing word *nado*. The prescriptiveness of the action, its expectation by community is represented in the introductory constructions *kak voditsya, po russkoy traditsii, soglasno vekovym traditsiyam*, etc. According to the author, use of verbal nouns *obmyv, sprysk* shows that the actions-rituals are interpreted as "enti-

ties" outside of time and space. Attention is paid to the ritual Church verb *prichastitsya*. The transition of the verb from the sacred to the profane sphere is noted, which is linked with the change of the axiological component. The profanical interpretation of the action, denoted by the verb *prichastitsya*, becomes possible with the expansion of its valence properties (in combination with a noun in the instrumental case — *prichastitsya russkoy vodochkoy*). The material for the study was the examples of modern artistic and journalistic texts extracted from The National Corpus of the Russian Language.

Key words: Bacchic actions; ritual; rite; culture of drinking; national character; mentality; Russian language picture of the world.

Material resources

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russ.).

SIRYa — Evgenyeva, A. P. (ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka*. (4-nd ed.). Moskva: Rus. yaz.; Poligrafresursy. 4. (In Russ.).

References

- Averintsev, S. S. (1991). Voda. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya*. (2-nd ed.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 2/1: 240. (In Russ.).
- Bayburin, A. K., Toporkov, A. L. (1990). *U istokov etiketa*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1991). Kontsept dolga v pole dolzhenstvovaniya. In: *Logicheskii analiz yazyka. Kulturnyye kontsepty*. Moskva: Nauka. 14—21. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2015). Metafory glagolov pitiya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (TSPU Bulletin)*, 9 (162): 15—18. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2016). *Glagoly kharakterizovannykh sposobov deystviya s semantikoy «est'» i «pit'» v russkoy yazykovoy kartine mira: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk. Kazan'*. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2017). Chrevougodnichat' v russkoy yazykovoy kartine mira. In: *I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: Mezhdunarodnaya konferentsiya (VI Boduenovskiyechteniya)*. Kazan': Izdatelstvo Kazanskogo universiteta. 2/1: 66—68. (In Russ.).
- Glazkova, S. N. (2012). Pragmaticheskaya universalnost' sintaksemy tipa *nado* + infinitiv v russkoy kommunikatsii. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 64/6 (260): 58—61. (In Russ.).
- Ivanov, V. V. (1991). Vino. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2 tomakh*. (2-nd ed.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 2/1: 236—237. (In Russ.).
- Khimik, V. V. (2000). *Poetika nizkogo, ili prostorechie kak kulturnyy fenomen*. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakultet SPbGU. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (2012). Ostavit' svoy sled. *Vestnik Omskogo universiteta*, 3 (65): 253—257. (In Russ.).
- Kuznetsova, I. V. (2018). Blagopozhelaniya obryadovogo folklorakak istochnik ustoychivyykh sravneniy. In: *Phraseologie und Folklore: Ihre linguokulturelle*

- und lexicografische Beschreibung.* = *Folklornaya frazeologiya: problemy lingvokulturologicheskogo i leksikograficheskogo opisaniya.* Grayfsvald. 63—68. (In Russ.).
- Kuzmina, T. V. (2011). *Sakralnaya sostavlyayushchaya v leksicheskikh edinitsakh russkogo yazyka (s privilecheniem edinits iz bolgarskogo yazyka): dissertatsiya...* kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (2014). K istorii izucheniya verbalnykh reprezentatsiy obychaya i ego sostavlyayushchikh v russkom yazyke. *Yazyk i kultura*, 2 (26): 57—68. (In Russ.).
- Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2002). Leksika nachala i kontsa trapezy v russkom yazyke. In: *Logicheskiy analiz yazyka: semantika nachala i kontsa.* Moskva: Indrik. 573—583. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokulturologiya.* Maslova. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
- Olyanich, A. V. (2015). Vakkhicheskiiy diskurs. *Diskurs-Pi*, 12 (2): 155—157. (In Russ.).
- Reymer, Yu. V. (2010). Vakkhicheskiye nominatsii v russkoy i nemetskoy lingvokulturakh. *Vestnik OGU*, 11 (117): 147—153. (In Russ.).
- Rychkova, T. A. (2011). *Slovosochetaniya, nazyvayushchie ritualnyye deystviya, v sovremennom russkom yazyke:* dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Murmansk. (In Russ.).
- Rychkova, T. A. (2012). Kulturno-konnotirovannyye slovosochetaniya, nazyvayushchiye ritualnyye deystviya. *Uchenyye zapiski Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedeniye*, 2 (43): 202—207. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2004). *Konstanty: slovar' russkoy kultury.* (3-nd ed.). Moskva: Akademicheskiiy Proekt. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1988). O rituale. Vvedenie v problematiku. In: *Arkhaicheskiiy ritual v folklornyykh i ranneliteraturnyykh pamyatnikakh.* Moskva: Nauka. 7—60. (In Russ.).
- Ustinova, N. A. (2011). *Pishchevoy kod traditsionnoy kultury Srednego Priobya: etnolingvisticheskiy aspekt:* avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk. Tomsk. (In Russ.).
- Zhuravlev, A. F. (1984). «Obmyvaniye kopyt» (iz vostochnoslavianskoy leksiki i frazeologii, svyazannoy s ritualami kupli-prodazhi skota). In: *Slavyanskoye i balkanskoye yazykoznanie. Yazyk v etnokulturnom aspekte.* Moskva: Nauka. 109—114. (In Russ.).
- Zinoviyeva, E. I. (2016). *Lingvokulturologiya: ot teorii k praktike.* Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).